

**ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ.
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ**

УДК 821.161.1

DOI: 10.26907/2782-4756-2024-76-2-80-85

**«МЕНТАЛЬНАЯ КАРТА» «ПИСЕМ РУССКОГО
ПУТЕШЕСТВЕННИКА» Н. М. КАРАМЗИНА И ПРОБЛЕМА
РЕПРЕЗЕНТАЦИИ НАЦИОНАЛЬНЫХ МИФОВ**

© Татьяна Алпатова

**“MENTAL MAP” IN “LETTERS OF A RUSSIAN TRAVELER”
BY NIKOLAY KARAMZIN AND THE PROBLEM
OF THE NATIONAL MYTH REPRESENTATION**

Tatyana Alpatova

The article analyzes “Letters of a Russian Traveler” by Nikolay Karamzin in terms of the symbolic-mythological perception of space, suggesting a view of the countries, depicted in the travelogue, as symbolic-mythological units of the “mental map” in the book. A “mental map” is understood as a holistic image of a geographical space, value-restructured in accordance with the author’s vision of European cultural and the historical situation. The purpose of the work is to reveal the hidden additional plot of Karamzin’s book, which determines the logic of the perception of geographical space and its comprehension, taking into account the historical and political situation witnessed by Karamzin’s hero-traveler. Using the methodology of the structural-semiotic, historical-genetic and comparative-typological reading of the text, as well as the methodology of human geography, the article shows how Karamzin generalizes ideas about the logic of the Western European history and culture development at the end of the 18th century. We also characterize the writer’s symbolic and mythological view of the cultural dialogue between Russia and Europe, the place and role of the “Letters...” of France, Switzerland, England and the countries of the German world on the “mental map”. Conclusions are drawn about the significance of the spatial image of “Letters...” for the design of Karamzin’s historical and political concept of the late 18th century, in which the key role was played by the ideas of the dialogue, the ability to evaluate the achievements of European culture and to develop the potential of Russian culture.

Keywords: image of space, human geography, Nikolay Karamzin, “Letters of a Russian Traveler”, historical and political concept, symbol, political mythology

В статье анализируются «Письма русского путешественника» Н. М. Карамзина в аспекте символично-мифологического восприятия пространства, предполагающего взгляд на страны, изображенные в травелогге, как символично-мифологические единицы «ментальной карты» в книге. Под «ментальной картой» понимается целостный образ географического пространства, ценностно перестроенный в соответствии с авторским видением европейской культурно-исторической ситуации. Цель работы – выявить скрытый дополнительный сюжет книги Карамзина, определяющий логику восприятия географического пространства и его осмысления с учетом историко-политической ситуации, свидетелем которой становится карамзинский герой-путешественник. С помощью методологии структурно-семиотического, историко-генетического, сравнительно-типологического прочтения текста, а также методологии гуманитарной географии показано, каким образом Карамзин обобщает представления о логике развития западноевропейской истории и культуры к концу XVIII столетия. Охарактеризован символично-мифологический взгляд писателя на культурный диалог России и Европы, на место и роль на «ментальной карте» «Писем...» Франции, Швейцарии, Англии и стран германского мира. Сделаны выводы о значении пространственного образа «Писем...» для оформления историко-политической концепции Карамзина конца XVIII столетия, ключевую роль в которой играли идеи диалога, умения оценивать по достоинству достижения европейской культуры и развивать потенциал отечественной.

Ключевые слова: образ пространства, гуманитарная география, Н. М. Карамзин, «Письма русского путешественника», историко-политическая концепция, символ, политическая мифология

Для цитирования: Алпатова Т. «Ментальная карта» «Писем русского путешественника» Н. М. Карамзина и проблема репрезентации национальных мифов // Филология и культура. Philology and Culture. 2024. № 2 (76). С. 80–85. DOI: 10.26907/2782-4756-2024-76-2-80-85

«Письма русского путешественника» Н. М. Карамзина – произведение, ставшее прецедентным для самых разнообразных форм русской литературы и культуры. В трудах В. В. Сиповского [1], Ю. М. Лотмана [2, с. 526–606], Л. А. Сапченко [3, с. 77–89], М. Я. Сорниковой [4, с. 7–16], Т. Б. Фрик [5, с. 305–314], А. Шедтке [6, с. 143–151], А. Шёнле [7] и других авторов многосторонне рассматривались те новые литературные и жизненные практики, которые благодаря этой книге становились центром внимания, начиная от самого «умения путешествовать», воспринимая пространство иных государств, культур, встречи с разнообразными людьми как систему своего рода «зеркал», вглядываясь в которые герой-современник обретает возможность познать себя. Нелучайно знаковой мотивировкой невероятной внутренней важности путешествия для карамзинского героя становится включенный в книгу фрагмент из письма И.-К. Лафатера: *«Глаз, по своему образованию, не может смотреть на себя без зеркала. Мы созерцаемся только в иных предметах...»* [8, с. 58] (см. также комментарий Ю. М. Лотмана к публикации реальной переписки Карамзина с Лафатером: [Там же, с. 464–498]).

Цель данной статьи – охарактеризовать специфику ментального представления стран Западной Европы в книге Карамзина в аспекте мифотворческого потенциала предлагаемых писателем моделей культурного диалога с ними «русского путешественника». При этом учитывается художественная специфика «Писем...» как особого типа композиционной организации. Помимо собственно внешнего «сюжета» книги (который, в силу закреплённой формы травелога, был задан структурой линейного перемещения в пространстве), выстраивались дополнительные линии, формировавшиеся вокруг целого ряда проблемно-тематических комплексов («литературный», «философский», «исторический» и многие другие «сюжеты»), окруженные более или менее закреплёнными историко-культурными, философскими, литературными и тому подобными ассоциациями. В этом смысле географическое пространство, через которое движется карамзинский путешественник, в силу самой специфики книги мифологизируется, превращается в особый сюжетный план текста, притом в силу своей значимости для художественной организации книги едва ли не определяющий.

Одним из первых на эту специфику пространства в «Письмах...» обратил внимание М. В. Иванов, проанализировавший с этой точки зрения собирательный образ Швейцарии Карамзина [9, с. 296–302]. Исследователь обратил внимание на то, что швейцарские страницы книги существуют в постоянной перекличке с описанием того, что путешественник видит в других странах, и таким образом швейцарская руссоистская утопия возвращения к естественной природе становится для Карамзина одной из возможностей выражения собственной сентиментально-предромантической жизненной философии. В итоге путешествие как передвижение через географическое пространство предстает также и как путешествие ментальное, в книге составляется своего рода «ментальная карта» Европы, анализ которой позволяет понять не только одну из значимых сфер поэтики «Писем...» как художественного и историософского текста, но и специфику историко-политической концепции Карамзина на этом этапе личностного и творческого развития.

Базовая, основная структура карамзинского представления пространства в «Письмах...» – со/противопоставление России и Западной Европы. Целый ряд образов и мотивов книги выстраивается именно вокруг этого динамического взаимодействия, в совокупности оформляя нечто вроде «русского сюжета» книги (см. подр.: [11, с. 628–720]). Помимо того, что путешественник в начале книги выезжает из России, а в конце возвращается обратно, на всем протяжении пути он встречается с русскими за границей, при взгляде на памятники западноевропейским монархам вспоминает российских, прежде всего Петра Первого, особо отмечает те историко-культурные реалии, которые свидетельствуют о самых разных формах диалога России с Западной Европой, от военной конфронтации до глубоко заинтересованного ученичества. Ю. М. Лотманом справедливо замечено, что ключевыми в оформлении «русской» темы книги становятся многочисленные упоминания, с одной стороны, Петра Первого, с другой же – легендарного скифского правителя Анахарсиса [2, с. 526–606]. Применительно к анализируемому контексту важно иметь в виду, что в карамзинском повествовании, по видимому, образ Анахарсиса символически двоятся: в сознании повествователя оказываются сразу и так называемый «старший» Анахарсис, из-

вестный из истории Древней Греции времен Солона, и приписываемый ему «потомок», также оказавшийся в Греции, но позднее, в период расцвета афинской культуры, – образ, созданный в книге Ж.-Ж. Бартеlemi «Путешествие младшего Анахарсиса по Греции» (известной Карамзину и многократно обыгранной в «Письмах русского путешественника»). Подобие Петра старшему Анахарсису в сознании Карамзина предполагает осмысление принципа ученичества на уровне межкультурного диалога: Анахарсис пытался перенести на родину греческие обычаи и погиб, Петр же сумел реализовать свою мечту и сблизить Россию и Европу. «Младшему» же Анахарсису, герою Бартеlemi, уподобляет себя сам путешественник, «молодой скиф К*» [8, с. 252], одной из поведенческих стратегий которого и было ученичество, заинтересованное внимание, способность увлеченно наблюдать жизнь западноевропейских стран и таким образом формировать сложную, многосоставную мифологизированную модель культурного диалога России и Европы.

Ключевыми чертами этого карамзинского мифа оказываются: 1) высокая позитивная значимость открытости и способности признавать право Другого на своеобразие (национальная спесь, закрытость, нежелание воспринимать «чужой» язык и культуру в книге равно осуждаются и в русских, и в европейцах, см. Письма «<4> Курляндская корчма, 1 Июня 1789», «<8> Кенигсберг, Июня 19, 1789» [Там же, с. 12, 23]); 2) уважение к новому знанию, открытость, «общительность» (что впоследствии на страницах периодики Карамзина будет интерпретироваться как базовая литературная программа – см. статью «Отчего в России мало авторских талантов?» [10, с. 101–103]); 3) наличие скрытой энергии в российской культуре, которая потому и вступает в диалог с культурой Западной Европы с особой заинтересованностью, ощущая в этом взаимодействии возможность раскрыть то, что должно выйти наружу. В этом смысле сам герой-путешественник оказывается своеобразной «моделью» такого развития, что позволяет выстраивать сложную игру с читателем в финале книги. Пытаясь ответить на вопрос, каков итог осуществленного путешествия, повествователь на глубоко личном, психологическом уровне подчеркивает лишь его субъективную значимость: «*По чему знать? Может быть, и другие найдут нечто приятное в моих э с к и з а х ; может быть, и другие... Но это их, а не мое дело*» [8, с. 389] (разрядка наша. – Т. А.), в то время как и просветительский эффект текста, и многочисленные свидетельства роста героя (в его переводческих, писательских, историософских, культурологиче-

ских занятиях) явно моделируют гораздо более результативную стратегию диалога, трактуемого на макроуровне, в масштабе диалога культур.

Линейная логика разворачивания карамзинского путешествия при этом может восприниматься и в образе более сложной ментальной конструкции. Отправляясь путешествовать в Европу, его герой в первую очередь представляет свой путь как возможность оказаться во Франции – в Париже («*Париж и Лондон, два первые города в Европе, были двумя Фаросами моего путешествия, когда я сочинял план его*» [Там же, с. 332]). Это, разумеется, глубоко соответствует и самой культурной реальности XVIII столетия как века расцвета французского культурного влияния в Европе, и привычным моделям литературного представления «французских» путешествий многочисленных литературных героев, в том числе в российской литературе. При этом достаточно распространенным приемом, позволяющим проблематизировать изображение подобной долгожданной «встречи» с французской культурой (в том числе французской столицей), был мотив несовпадения ожиданий и реальности, раскрывающийся либо в сознании самого героя (примером чему могут быть знаменитые «Письма из Франции» Д. И. Фонвизина), либо в оценке автора и читателя, когда речь идет о сатирическом изображении псевдофранцузских претензий героя-галломана («Бригадир» Фонвизина).

На этом фоне карамзинская модель проблематизации оказывается наиболее сложной и историософски обоснованной. Его герой-путешественник с невероятным увлечением передает огромный массив своих «французских» впечатлений, не избегая частных оценок, как положительных, так и отрицательных, однако отказывается подводить итог, в финале «общения» с Парижем (а по существу, и с Францией в целом) прибегая к метафоре-противопоставлению бурного моря и горы и собственной позиции как заинтересованного, но отстраненного созерцателя («*смотрел на твоё волнение с тихою душою, как мирный пастырь смотрит с горы на бурное море*», [Там же, с. 322]). Его герой не очарован и не разочарован ни Парижем, ни Францией в целом, его задача в другом: понимание, признание всего положительного, яркого, значительного, необходимого для культурного развития и, с другой стороны, осознание того, что не может быть принято последователями. Для карамзинского героя это противоречие оказывается тем более значимым, что он приезжает во Францию, уже захваченную революционным движением, и, следовательно, кризис страны, воплощающей для современников сам дух европейской культуры нескольких веков, заставляет размышлять как

о его причинах, так и о возможностях избежать подобного – мотив, который в «Письмах...» решается довольно своеобразно, не только на уровне непосредственного высказывания, но и с помощью специфической мифологизации самой «ментальной карты» путешествия героя.

С этой точки зрения посещение Швейцарии и Англии для путешественника – в известной мере исследование двух возможных (притом диаметрально противоположных) способов преодолеть те причины, что привели Францию к революции. В Швейцарии это осознанное ограничение неравенства людей, когда «братство» граждан (его эмоциональная поэтическая декларация – «Песня цюрихского юноши», см.: *«Мы все живем в союзе братском, <...> не зная роскоши, которая свободных в рабов, тиранов превращает...»* [Там же, с. 110]) поддерживается в том числе законодательными установлениями правительства. Предлагаемый Англией путь – это промышленный прогресс и поддержка всех путей обогащения, которые будут развиваться гражданами. Сам выбор эпизодов, представляющих впечатления путешественника на швейцарских и английских страницах книги, не случаен: идиллические картины жизни альпийских пастухов, мирная сельская свадьба, мать, играющая с детьми в пригороде Женевы, – и многолюдные улицы Лондона, Биржа, корабли в порту; Ю. М. Лотман [2, с. 526–606], М. В. Иванов [9, с. 296–302] и другие исследователи справедливо отмечали, что в данном случае Карамзин стилизует в виде писем путешественника вполне концептуальное историко-политическое высказывание, выстраивая в тексте своего рода «испытание» двух различных способов, гипотетически позволяющих преодолеть опасности социального неравенства. При этом позиция повествователя, как и в случаях с другими параллельными «сюжетами» «Писем...», далека от однозначного предпочтения или отвержения: и тот, и другой путь показаны в книге как имеющие свои сильные и слабые стороны. Швейцария дает большую свободу проявлениям природного начала, но сдерживание роскоши иной раз кажется избыточным и забавным (ср. упоминания героя-путешественника о законодательном регулировании одежды или употребления вина, «<57> Цюрих» [Там же, с. 120]). Англия открывает гражданам возможность свободного обогащения – но темп жизни и требования, предъявляемые к человеку, иной раз оказываются слишком жестокими, люди могут не выдерживать их и «выпадать» из социального порядка в преступление или болезнь, безумие (см. письмо «<138> Лондон, Июля... 1790», посещение путешественником долговой тюрьмы и дома сума-

шедших, Бедлама [Там же, с. 339–342]). При этом важно, что и швейцарские, и английские страницы «Писем...» в изобилии содержат описания культурных реалий, положительно оцениваемых героем-путешественником с точки зрения ценностной шкалы сентиментально-предромантического мышления: свободная, разнообразная природа, множество садов, стиль которых не разрушает, а подчеркивает естественную природную красоту, довольство и благополучие жителей, естественная привлекательность женщин и т. п. Обращая внимание на множество самых различных деталей, связанных с культурной идеей природного, истинного, исполненного живой энергией бытия, карамзинский герой-путешественник, представляющий в книге «молодую» российскую культуру, по сути, предлагает соотечественникам ценный урок, в перспективе способный удержать от опасных общественных потрясений.

Особое место на «ментальной карте» Европы в книге Карамзина занимают страны германского мира (Пруссия и Саксония, о посещении которых рассказывает путешественник). Наряду с Россией, он оценивает их как «молодую» сферу европейской культуры, также стоящую на пороге интенсивного развития, также обладающую значительной энергией, которая уже начала развиваться и приносить плоды. Именно с этим связано заметно большое число эпизодов общения героя-путешественника на «немецких» страницах книги с философами и писателями (неслучайно столь значим, по мысли Ю. М. Лотмана, «кантовский эпизод» книги; кроме Канта, в той или иной форме «собеседниками» карамзинского героя становятся Гердер, Виланд, Мориц, Николаи, Гёте и др.).

Наиболее интересными и богатыми подтекстами оказываются в этом ряду реминисценции из книги К.-Ф. Морица «Путешествие Немца по Англии»; в том числе они закрепляют в книге рассматриваемый мотив внутреннего сближения России и Германии в их движении навстречу европейскому культурному пространству [11, с. 65–74]. «Русский путешественник» у Карамзина в значительной мере повторяет путь «путешественника-немца» в книге Морица (кроме того, в этом ряду можно рассматривать и сцену пребывания в Кале, где возникает еще одна значимая в системе сентиментально-предромантической поэтики параллель с «английским путешественником» Л. Стерна, Йориком). При этом герой Карамзина движется «в противоположном направлении» по сравнению со своими предшественниками. Если Йорик едет из Англии во Францию, повинаясь желанию «самому удо-

стовериться», что поездка через Ла-Манш надевает человека особым правом судить о самых разных вещах, то карамзинский путешественник направляется из Франции в Англию – при этом явно развивая иронию Стерна, ощущение не только различия, но и внутреннего сходства этих стран для чувствительной души. Если «немецкий путешественник» К.-Ф. Морица ехал из Пруссии в Англию, подчеркивая, насколько прекрасен и благополучен английский климат, свежа и щедра природа в сравнении с Германией, то карамзинский герой, въезжая в Пруссию, словно иронически намекая на lamentации Морица, говорит о щедрости немецкой природы в сравнении с Россией. Всякий раз сближения суждений путешественника со своими предшественниками, встречаемыми попутчиками встраиваются в более широкую смысловую линию карамзинской книги, которая раскрывала идею взаимного общения и обогащения западноевропейской и российской культуры, на образно-символическом уровне представления художественного пространства раскрытую в своеобразной «ментальной карте» Европы, предложенной в книге.

В целом «Письма русского путешественника» стали для современников настоящим открытием культурного пространства Западной Европы, представшей в описании Карамзина как одухотворенное, глубоко осмысленное целое. Его герой-повествователь, развертывая последовательный рассказ о посещении европейских стран, выстраивает его, следуя не только очевидной логике перемещения в пространстве, но и собственно историософской концепции, «картографирующей» наиболее значимые для Карамзина страны с учетом их места и роли в прошлом и будущем европейской культуры. Сама топография текста, таким образом, получает возможность символично-мифологического представления о культурном взаимодействии России и Европы, подводившем итог его развитию в XVIII в. и открывавшем новые возможности для последующего столетия.

Список источников

1. Сиповский В. В. Н. М. Карамзин, автор «Писем русского путешественника». СПб., 1899.
2. Лотман Ю. М., Успенский Б. А. «Письма русского путешественника» Н. М. Карамзина и их место в развитии русской культуры // Н. М. Карамзин Письма русского путешественника. Л.: Наука: Ленингр. отд-ние, 1984. С. 526–606.
3. Сапченко Л. А. Автор как путешественник в наследии Н. М. Карамзина // Русское слово. Сборник научных работ памяти проф. Е. И. Никитиной. Ульяновск, 2022. С. 77–89.

4. Сорникова М. Я. Жанровая структура «Писем русского путешественника» Н. М. Карамзина // Вестник Коломенского государственного педагогического института. 2007. № 3 (4). С. 7–16.

5. Фрик Т. Б. Образ «чужого» в эпистолярной Н. М. Карамзина // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2020. № 63. С. 305–314.

6. Шедтке К. Субъективность как фикция. Проблема авторского дискурса в «Письмах русского путешественника» Н. М. Карамзина // Логос. 2001. № 3. С. 143–151.

7. Шёнле А. Подлинность и вымысел в авторском самосознании русской литературы путешествий (1790–1840-е гг.). СПб., 2004. / Изд. подгот. [и примеч. сост.] Ю. М. Лотман и др. Л.: Наука: Ленингр. отд-ние, 1984. 717 с.

8. Иванов М. В. Мир Швейцарии в «Письмах русского путешественника» // XVIII век. Сб. 10: Русская литература XVIII века и ее международные связи. Л.: Наука, 1975. С. 296–302.

9. Карамзин Н. М. Избранные статьи и письма. М.: Современник, 1982. 351 с.

10. Николаев Д. П. «Я вспомнил Россию, любезное отечество...» (Россия, русские люди и русская нация на страницах «Писем русского путешественника» Н. М. Карамзина); «Когда русские были русскими...» (Пути постижения «русской нравственной физиономии» в прозе Н. М. Карамзина 1790-х гг. // Русская литература как форма национального самосознания. XVIII век. М.: ИМЛИ РАН, 2005. С. 628–720.

11. Алпатова Т. А. Н. М. Карамзин и К.-Ф. Мориц // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2020. № 2. С. 65–74.

Библиографический список

1. Карамзин-писатель: коллективная монография / под ред. Н. Д. Кочетковой, А. Ю. Веселовой, Р. Бодэна. СПб.: Издательство «Пушкинский дом», 2018. 384 с.
2. Кафанова О. Б. Переводы Н. М. Карамзина как культурный универсум. СПб.: Алетейя, 2020. 356 с.
3. Кочеткова Н. Д. Литература русского сентиментализма. Эстетические и художественные искания. СПб.: Наука, 1994. 279 с.
4. Лотман Ю. М. Карамзин: Сотворение Карамзина. Статьи и исследования 1957–1990. Заметки и рецензии. СПб.: Искусство, 1997. 832 с.
5. Русский травелог XVIII–XX вв.: между литературой и документом: маршруты, топосы, жанры и нарративы: коллективная монография. Новосибирск: Новосибирский государственный педагогический университет, 2019. 461 с.
6. Серман И. З. Литературное дело Карамзина. М.: РГГУ, 2005. 327 с.

References

1. Sipovskii, V. V. (1899). *N. M. Karamzin, avtor "Pisem russkogo putesthestvennika"* [Nikolay Karamzin,

the Author of "Letters of a Russian Traveler"]. St. Petersburg. (In Russian)

2. Lotman, Yu. M., Uspenskii, B. A. (1984). *"Pis'ma russkogo puteshestvennika" N. M. Karamzina i ikh mesto v razvitií russkoi kul'tury* ["Letters of a Russian Traveler" by Nikolay Karamzin and their place in the development of Russian Culture]. N. M. Karamzin *Pis'ma russkogo puteshestvennika*. Pp. 526–606. Leningrad, Nauka, Leningr. otd-nie. (In Russian)

3. Sapchenko, L. A. (2022). *Avtor kak puteshestvennik v nasledii N. M. Karamzina* [The Author as a Traveler in Nikolay Karamzin's Oeuvre]. *Russkoe slovo. Sbornik nauchnykh rabot pamyati prof. E. I. Nikitinoi*. Pp. 77–89. Ulyanovsk. (In Russian)

4. Sornikova, M. Ya. (2007). *Zhanrovaya struktura "Pisem russkogo puteshestvennika" N. M. Karamzina* [Genre Structure of "Letters of a Russian Traveler" by Nikolay Karamzin]. *Vestnik Kolomenskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta*. No. 3 (4), pp. 7–16. (In Russian)

5. Frik, T. B. (2020). *Obraz "chuzhogo" v epistolyarii N. M. Karamzina* [The Image of the "Alien" in the Epistolary Works by Nikolay Karamzin]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya*. No. 63, pp. 305–314. (In Russian)

6. Shedtke, K. (2001). *Sub"ektivnost' kak fiktsiya. Problema avtorskogo diskursa v "Pis'makh russkogo puteshestvennika" N. M. Karamzina* [Subjectivity as Fiction. The Problem of Authorial Discourse in "Letters of a Russian Traveler" by Nikolay Karamzin]. *Logos*. No. 3, pp. 143–151. (In Russian)

7. Shenle, A. (1984). *Podlinnost' i vymysel v avtorskom samosoznanii russkoi literatury puteshestvii (1790–1840-e gg.)* [Authenticity and Fiction in the Author's Self-Awareness of Russian Travel Literature (1790–1840s)]. St. Petersburg, 2004. Izd. podgot. (i primech. sost.) Yu. M. Lotman i dr. 717 p. Leningrad, Nauka, Leningr. otd-nie. (In Russian)

8. Ivanov, M. V. (1975). *Mir Shveitsarii v "Pis'makh russkogo puteshestvennika"* [The World of Switzerland in "Letters of a Russian Traveler"]. XVIII vek. Sb. 10: *Russkaya literatura XVIII veka i ee mezhdunarodnye svyazi*. Pp. 296–302. Leningrad, Nauka. (In Russian)

9. Karamzin, N. M. (1982). *Izbrannye stat'i i pis'ma* [Selected Articles and Letters]. 351 p. Moscow, Sovremennik. (In Russian)

10. Nikolaev, D. P. (2005). *"Ya vspomnil Rossiya, lyubeznoe otechestvo..." (Rossiya, russkie lyudi i*

russkaya natsiya na stranitsakh "Pisem russkogo puteshestvennika" N. M. Karamzina); *"Kogda russkie byli russkimi..."*: (*Puti postizheniya "russkoi npravstvennoi fizionomii" v proze N. M. Karamzina 1790-kh gg.*) ["I remembered Russia, my dear fatherland..."] (Russia, Russian people and the Russian nation on the pages of "Letters of a Russian Traveler" by N. M. Karamzin); *"When the Russians were Russians..."*: (Ways of understanding the "Russian moral physiognomy" in the prose of N. M. Karamzin in the 1790s)]. *Russkaya literatura kak forma natsional'nogo samosoznaniya*. XVIII vek. Pp. 628–720. Moscow, IMLI RAN. (In Russian)

11. Alpatova, T. A. (2020). *N. M. Karamzin i K.-F. Morits* [N. M. Karamzin and K.-F. Moritz]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Russkaya filologiya*. No. 2, pp. 65–74. (In Russian)

Bibliography

1. *Karamzin-pisatel': kollektivnaya monografiya* (2018) [Karamzin as a Writer: A Collective Monograph]. Pod red. N. D. Kochetkovo, A. Yu. Veselovoi, R. Bodena. 384 p. St. Petersburg, izdatel'stvo "Pushkinskii dom". (In Russian)

2. Kafanova, O. B. (2020). *Perevody N. M. Karamzina kak kul'turnyi universum* [Translations by N. M. Karamzin as a Cultural Universe]. 356 p. St. Petersburg, Aleteiya. (In Russian)

3. Kochetkova, N. D. (1994). *Literatura russkogo sentimentalizma* [Literature of Russian Sentimentalism]. *Esteticheskie i khudozhestvennye iskaniya*. 279 p. St. Petersburg, Nauka. (In Russian)

4. Lotman, Yu. M. (1997). *Karamzin: Sotvorenie Karamzina* [Karamzin: The Creation of Karamzin]. *Stat'i i issledovaniya 1957–1990. Zametki i retsenzii*. 832 p. St. Petersburg, Iskusstvo. (In Russian)

5. *Russkii travelog XVIII–XX vv.: mezhdunarodnoi i dokumentom: marshrut, toposy, zhanry i narrativy: kollektivnaya monografiya* (2019) [Russian Travelogue of the 18th–20th Centuries: Between Literature and Document: Routes, Topoi, Genres and Narratives: A Collective Monograph]. 461 p. Novosibirsk, Novosibirskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet. (In Russian)

6. Serman, I. Z. (2005). *Literaturnoe delo Karamzina* [Karamzin's Literary Work]. 327 p. Moscow, RGGU. (In Russian)

The article was submitted on 01.06.2024
Поступила в редакцию 01.06.2024

Алпатова Татьяна Александровна,
доктор филологических наук,
профессор,
Государственный университет просвещения,
141014, Россия, Мытищи,
В. Волошиной, 24.
alpatova2005@rambler.ru

Alpatova Tatyana Alexandrovna,
Doctor of Philology,
Professor,
State University of Education,
24 V. Voloshina Str.,
Mytishchi, 141014, Russian Federation.
alpatova2005@rambler.ru